

ГЛАВА 1

САМ ПО СЕБЕ

Говорят, книги сами находят своих читателей, но иногда им нужен кто-то, кто укажет путь. Так было и в этот августовский день в книжной лавке, носившей название «У городских ворот». Правда, городские ворота, или, вернее, их остатки, которые большинство горожан считали дерзким произведением искусства, находились в добрых трех кварталах отсюда.

Книжный магазин был старый, он достраивался и рос в течение нескольких эпох. Кладка с вензелями и гипсовой лепниной соседствовала с безыскусными прямыми углами. Единство старого и нового, игривого и сдержанного, определяло не только облик здания, но и все его наполнение.

Красные пластиковые подставки с DVD и компакт-дисками стояли рядом с матовыми металлическими стеллажами с мангой, а они, в свою очередь, соседствовали с полированными стеклянными витринами, где стояли глобусы, и изысканными деревянными книжными полками.

В комнате, похожей на лабиринт, царствовал массивный темный прилавок, который сотрудники называли не иначе как алтарем. Выглядел он так, будто был родом из эпохи барокко. Спереди прилавок украшала резная картинка из сельской жизни, на которой охотничий отряд на роскошных конях в сопровождении гончих гнался за дикими кабанами.

Только что в книжном магазине прозвучал вопрос, ради которого книжные магазины и существуют: «Не могли бы вы посоветовать мне хорошую книгу?»

Урсула Шефер, которая задала этот вопрос, отлично знала, что делает книгу хорошей. Во-первых, хорошая книга настолько увлекательна, что она читала бы ее в постели до тех пор, пока глаза не закроются сами.

Во-вторых, такая книга заставит ее плакать по меньшей мере в трех, а то и в четырех местах. В-третьих, в ней не меньше трехсот страниц, но обязательно не больше трехсот восьмидесяти. В-четвертых, никаких зеленых обложек. Книгам в зеленых обложках доверять нельзя, этому ее научил горький опыт.

— С удовольствием, — ответила Сабина Грубер, которая вот уже три года управляла книжным магазином у городских ворот. — Что вы любите читать?

Урсула Шефер отвечать не хотела — она хотела, чтобы Сабина Грубер сама знала ответ, ведь она работает в книжном магазине, а значит, от природы должна обладать даром ясновидения.

— Назовите всего три слова, и я поищу то, что вам подойдет. Любовь? Южная Англия? Увлекательное чтение? Да?

— Может быть, господин Кольхофф здесь? — спросила Урсула Шефер слегка обеспокоенно. «Он всегда знает, что мне понравится. Он всегда знает, что понравится всем».

— Нет, к сожалению, его сегодня нет. Господин Кольхофф работает у нас только время от времени.

— Как жаль...

— Так вот, у меня тут как раз есть кое-что для вас. Это семейный роман, действие происходит в Корнуолле. Вот, посмотрите, на обложке — очаровательный особняк большого семейства и прилегающий к нему роскошный парк.

— Это же зеленый, — сказала Урсула Шефер и укоризненно посмотрела на Сабину Грубер. — Насыщенный зеленый!

— Да, ведь речь идет о замечательном парке графа Дарнборо. И отзывы исключительно положительные!

Тяжелая входная дверь открылась, и маленький медный колокольчик отозвался тонким звоном. Карл Кольхофф сложил свой зонт, привычным жестом отряхнул его и поместил на подставку.

Его взгляд скользил по книжной лавке, которую он считал родным домом. Он искал недавно прибывшие книги, которые должны были отправиться к его покупателям, и чувствовал себя коллекционером ракушек на берегу. В первые же секунды он заметил несколько находок, которые так и ждали, чтобы их подняли и забрали, освободили от зернистого песка. Но как только он увидел Урсулу Шефер, они сразу же стали совершенно неважны.

Ее улыбка согрела его. Она улыбалась ему так, будто он был смесью всех тех прекрасных мужчин, в которых

она влюблялась, читая книги, рекомендованные Карлом все эти годы. При этом он не походил ни на одного из них.

Раньше у Карла был небольшой живот, но с годами он исчез так же, как исчезли волосы на его голове. Так, будто они договорились вместе покинуть его навсегда. Теперь, в семьдесят два года, он стал совсем худой, но все еще носил старые вещи, которые были ему велики. Его бывший начальник говорил, это оттого, что теперь он потребляет только слова из своих книжек, а углеводов в них мало. «Зато много смысла», — всегда отвечал Карл.

Он всегда носил приземистые тяжелые туфли из такой толстой черной кожи и с такими прочными подошвами, что хватило бы на целую человеческую жизнь. Пара хороших носков — они тоже важны. А поверх — оливково-зеленый комбинезон и того же цвета куртка с воротником.

Он всегда надевал шляпу — рыбацкую кепочку с большим козырьком, чтобы защитить глаза от дождя и ярких солнечных лучей. Даже в помещении он ее не снимал, разве что на ночь. Без нее он чувствовал себя попросту раздетым.

Нельзя было встретить его и без очков, оправу для которых он купил пару десятилетий назад в антикварном магазине. За ними прятались задумчивые глаза Карла, которые всегда выглядели так, будто он слишком долго читал в потемках.

— Госпожа Шефер, как приятно вас видеть, — сказал Карл и направился к Урсуле Шефер, которая, в свою очередь, шагнула в его сторону, отдаляясь тем самым от Сабины Грубер. — Могу я предложить вам книгу,

которая будет прекрасно смотреться на вашей прикроватной тумбочке?

— Прощая мне ужасно понравилась! Особенно когда они в конце посмотрели друг другу в глаза. Поцелуй был бы еще прекраснее, чтобы закрепить этот финал. Но, пожалуй, я довольна и взглядом.

— Он даже напряженнее, чем поцелуй. Знаете, бывают же такие взгляды.

— Но не когда целую я! — сказала Урсула Шефер. В этот момент она казалась удивительно дерзкой, что с ней случалось редко.

— Эта книга, — Карл подхватил одну из стопки рядом с кассовым аппаратом, — ждала вас с тех пор, как ее распаковали. В ней действие происходит в Провансе и каждое слово прямо пахнет лавандой.

— Бордово-красные книги — самые лучшие! А она заканчивается поцелуем?

— Разве же я когда-нибудь рассказываю такое?

— Нет! — она взглянула на него упрямо, но книгу из рук выхватила.

Конечно, Карл ни за что бы не посоветовал ей роман без счастливого финала. Но ему не хотелось лишать Урсулу Шефер этой волнительной интриги: а вдруг в этот раз все будет не так?

— Я так рада, что существуют книги! — сказала она. — Ах, как же я надеюсь, что всегда будет так! Жизнь так сильно и так быстро меняется. Теперь все платят только пластиком, и, когда я на кассе начинаю искать мелочь, на меня смотрят так странно!

— Письменное слово будет всегда, госпожа Шефер. Поскольку есть вещи, которые никоим образом не могут

быть выражены точнее. А книгопечатание — лучший способ сохранять истории и идеи. Так они могут жить веками.

Карл Кольхофф попрощался с Урсолой теплой улыбкой. Через дверь, оклеенную рекламными плакатами, он вошел в комнату, служившую одновременно офисом и складом книжного магазина. Письменный стол был уставлен стопками книг, угол старого компьютерного монитора заклеен желтыми записками, а большой годовой календарь на стене пестрел красными пометками.

Его книги, как и всегда, лежали в черной пластиковой коробке в самом темном углу комнаты. Когда-то ее место было на столе, но с тех пор, как Сабина взяла на себя управление книжным магазином отца, коробка каждый день отодвигалась все дальше в укромный уголок. Вместе с тем она теряла все больше и больше своего содержимого. Людей, которым он должен был передать книги, осталось немного. И с каждым годом их становилось все меньше.

— Приветствую, господин Кольхофф! Скажите, что вы думаете об игре? Там так и не было пенальти! И этот судья! Он меня все еще бесит.

Леон, новый стажер, вышел из небольшого служебного туалета, а с ним — сигаретный дым. Все остальные знали бы наверняка, что задавать подобный вопрос Карлу совершенно бессмысленно. Он не смотрел никакие новости, не слушал радио и не читал газет. Он был, как сам иногда говорил про себя, немного оторван от этого мира.

Карл принял такое решение сознательно. Все эти заявления недобросовестных правителей, таяние полярных

льдов и страдания беженцев делали его печальнее, чем любая семейная трагедия из романов. Это был способ защитить себя — пусть даже с тех пор его мир стал меньше. Этот мир — его «круг» — насчитывал всего-то пару квадратных километров, и каждый день его границы сокращались.

— А знаете ли вы замечательную футбольную книгу Джей Эл Карра? — спросил Карл, вместо того чтобы встать на сторону стажера в арбитражном вопросе.

— Там про наш футбольный клуб?

— Нет, про «Стипл Синдерби Уондерерс».

— Не слышал про такой. Ну да ладно, все равно я не читаю книги. Только когда нужно. В школе то есть. И то я бы предпочел смотреть фильмы по ним, да и все.

Он усмехнулся, будто бы вместо себя обманывал своих учителей.

— Тогда почему же ты проходишь стажировку здесь?

— Моя сестра тоже так сделала, три года назад. Мы живем тут рядом, совсем близко, и ходить далеко не надо, — он не стал говорить, что все те, кто не находил себе место для практики, вынуждены были помогать дворнику целых две недели. И дворник использовал это время, чтобы сполна отплатить практикантам от имени всего школьного управления унижительной работой — за все изрисованные стены, прилепленные к партам жвачки и бутербродные крошки.

— И что же твоя сестра, она читает книги?

— После того как побывала здесь, ага. Но со мной-то такого не случится!

Карл улыбнулся. Он знал, почему сестра Леона начала читать. Его бывший начальник Густав Грубер, который

теперь жил в доме престарелых «Мюнстерблик», знал наверняка, как стоит вести себя с такими «нечитающими» особами вроде Леона и его сестры. Он поручал им прогнать поздравительные открытки, упакованные в пластик. Практикантам быстро становилось скучно, и, отчаявшись, они брались за книги, которые он предусмотрительно оставлял неподалеку. Густав Грубер всех их заставлял изменить свое мнение. Он и с детьми отлично ладил, в отличие от Карла, который считал их инородными, странными существами. Так было, даже когда сам он был ребенком. И чем дальше уходило детство, тем более непонятными и чуждыми казались ему дети.

Сестру Леона старик Грубер заманил романом, в котором юная девушка влюбляется в вампира. Леону, в котором, по-видимому, бушевало половое созревание, он подложил бы книжку с симпатичной девочкой-подростком на обложке и не слишком большим количеством слов внутри.

Грубер всегда говорил: «Не важно, что вы читаете. Важно, что вы читаете». Карл не считал, что так можно сказать про все, что печатается. Все же под обложками иногда прячутся мысли, подобные яду. Впрочем, лекарство на страницах бывает чаще. Даже для того, о чем мы и не подозреваем, иногда нужно лекарство.

Карл осторожно вытащил черную пластиковую коробку из угла. Сегодня в ней лежало всего три книги, на самом дне. Затем он отыскал коричневую упаковочную бумагу и шнур, чтобы каждую книгу упаковать отдельно, как подарок.

Сабина Грубер твердила ему, что стоит отказаться от этой привычки и не тратить лишние деньги, но Карл

настаивал. Ведь именно это нужно его покупателям. Сам того не замечая, он погладил каждую из книг, перед тем как завернуть их в плотную бумагу.

Наконец он взял свой оливково-зеленый армейский рюкзак, давно уже не новый, но все еще в отличном состоянии благодаря любви и аккуратности Карла. Пока рюкзак был еще пуст, но по его складкам было заметно, что это не самое привычное для него состояние. Карл с осторожностью опустил книги в грубую ткань рюкзака, дно которого он устелил мягким шерстяным одеялом. Так, будто это были вовсе не книги, а щенки, которых он нес новым хозяевам. Он сложил книги в рюкзаке так, чтобы самая большая потом оказалась у спины, а самая маленькая — подальше, где ее не помнут изгибы рюкзака.

Уже выходя, он ненадолго задумался, а потом повернулся к Леону.

— Протри, пожалуйста, поздравительные открытки. Госпожа Грубер будет довольна. Лучше принеси их сюда, чтобы тебя никто не беспокоил. Я всегда делаю это за столом.

Он быстро положил на стол «Футбольную горячку» Ника Хорнби, которую только что заметил на полке. Футбольное поле на обложке заманчиво зеленело — наверное, Урсула Шефер никогда не посмотрела бы в сторону этой книги.

* * *

То, что Карл считал своим кругом, скорее напоминало многоугольник: он шел через центр города, по маршруту без прямых углов, без всякой симметрии. Граница его

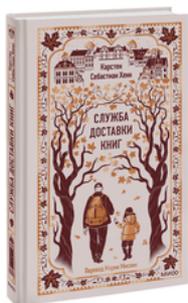
мира пролегла там, где обломки городских стен становились похожи на остатки старческих зубов. Он не пересекал ее вот уже тридцать четыре года, потому что все, что было ему нужно, находилось в ее пределах.

Карл Кольхофф много ходил пешком и так же много размышлял. Иногда ему казалось, что думать как следует он может, только когда ходит. Как будто шаги по булыжной мостовой приводили его мысли в движение.

Когда идешь по городу, то не замечаешь то, что видно каждому голубю и каждому воробью: город был круглым. Все старые домики и переулки стремились к собору, возвышающемуся в самом центре. Будь город макетом железнодорожных линий, можно было бы предположить, что собор по ошибке сделали не в том масштабе. Он строился в тот недолгий промежуток времени, когда город был богат. Но еще до того, как собор достроили, эти времена прошли, и колокольню так и не закончили.

Дома почтительно располагались вокруг. Некоторые, особенно старые, даже слегка наклоняли головы. Перед центральным порталом собора они расступались, образуя самую большую и красивую площадь города — Мюнстерплац.

Карл вышел на площадь и тут же почувствовал себя так, будто за ним наблюдают. Как косуля на поляне, беспомощная, незащищенная перед охотником и его ружьем. Карл улыбнулся — никогда еще он не чувствовал себя косулей. На площади запах города как будто усиливался. Согласно легенде, когда в XVII веке город был осажден, один пекарь изобрел «пудровое колесо» — выпеченный в масле калач в форме колеса со спицами, внутри которого был шоколадный крем, а снаружи — сахарная пудра.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Детские книги:

